

ЕВГЕНИЙ БОРИСОВ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

ЭШЕЛОН ИДЁТ НА ЗАПАД

Евгений Борисов

Эшелон идёт на запад

«Автор»

2026

Борисов Е.

Эшелон идёт на запад / Е. Борисов — «Автор», 2026

Вот неужели этому надо было случиться именно со мной? Со мной, блин!
Ну какой из меня особенный или избранный.. или какой там критерий у
межвременной спецканцелярии? Хотел только взглянуть на реконструкторов,
а уже еду фронт. И хочется повторять и повторять только одну фразу - "Тва-аю
же ж мать!"

© Борисов Е., 2026

© Автор, 2026

Евгений Борисов

Эшелон идёт на запад

Глава 1

Сидя под мостом небольшого железнодорожного переезда, я пил пиво и сам с собой философствовал о крутости Ричи Блэкмора и его вкладе в мировую рок-культуру. Лёгкий хмель давал о себе знать и все мои философские измышления автоматически превращались в неопровержимые аксиомы. Короче Черномор победил по всем пунктам. Хотя изначально всё это и так было понятно. Великие мысли великого мыслителя прервал мой давний деревенский приятель Дикий, который почти что кубарем скатился по поросшей травой железнодорожной насыпи ко мне под мост.

Изначально у него была кличка «дикобраз», из-за жёстких и растущих в разные стороны волос. Но звучало это как-то длинно и не благозвучно. Лишь со временем став Диким, он почувствовал всю прелесть крутости, когда его называли именно так.

Когда наконец земное притяжение «докувыркало» его брненное тело до окончания насыпи, ничуть не растерявшись, он побежал ко мне под мост, крича:

– Панк, прикинь, у нас тут реконструкторы завелись! Серьёзные!

– Это которые по лесам с острыми ушами ходят, орут заклинания и остервенело махают палками? – лениво спросил я, отпивая пиво.

– Не-е, – помотал он «дикобразной» головой. – Говорю ж тебе – серьёзные! Это тебе не студенты первокурсники, с картонными мечами и швабрами вместо лошадей.

– И что в них тогда серьёзного? – я равнодушно поинтересовался.

– А то, что для своих игр, ну или что там у них, они замутили цельный паровоз.., с вагонами. Кстати, – тут Дикий потыкал указательным пальцем вверх, – прямо над нами катаются, по этим вот путям.

Не скажу что прямо как-то сильно, но в какой-то мере меня это заинтересовало. Насчёт участия в этом движении не знаю, а вот полазить и поглазеть очень даже можно.

– А где они тусуются? В депо нашем что ль?

– Ни малейшего представления, – Дикий плюхнулся на траву, в тень моста, открывая взятую из моего пакета бутылку пива. – Я их видел всего-то пару раз, ближе к вечеру. Там впереди по путям поворот, они, видать, скорость сбрасывают и медленно тут катят.. Я глянул.. Вроде прикольно так.

Он пожал плечами и за несколько глотков добил бутылку пива, убирая её в тот же, попутно и мусорный, пакет и, гремя остальными, выискивал целую.

– Если так интересно, можешь покараулить тут, – предложил он, продолжая шарить по пакету. – А на зуб что есть?

– Да ну, – отмахнулся я. – В такую жару мне не особо хочется есть.

– А о друзьях своих ближних не подумал? – он выудил из пакета вторую бутылку и разочарованно поглядел в мою сторону.

– Друзья наши ближние либо пьют халявное пиво, либо идут нахрен. Андерстенд? – на всякий случай уточнил я.

– Я-я, офкос, – от безнадёжности бытия протянул Дикий.

Видимо он в корне был согласен с моим веским аргументным аргументом. Ибо как говорят аборигены Новой Зеландии – «либо пан, либо никак». А может и не они, а может и вообще не так и не то говорят. Хрен с ним. Но всё же, если это они, то очень даже ловко сказано.

Развалившийся уже на траве Дикий приподнялся на локте, обернувшись ко мне:

– В клуб сегодня идёшь? Я планирую..

Представив наш деревенский клуб с надоевшими песнями потухших звёзд девяностых, распитием самогона не пойми с кем и дёрганий, слабо напоминающих танцы, с какими-то бабами, а потом разборки с их парнями в стиле «чё», «да ты чё?», «да ты знаешь чья она?» и так далее, то мозг мой сразу же отметал сие предложение на тему вечерне-ночного времяпрепровождения.

С самого детства я очень любил поезда и всё что с ними связано (оттого и тусовался, кстати, всегда в районе железнодорожного моста – красиво). Внешний вид, звуки, запахи.. Я много раз представлял себя едущим в кабине машиниста товарного состава. Рельсы, шпалы, пронсящие за окнами природа. Романтика. Но что-то как-то не сложилось не сошлось. Так что меня вполне устраивало и просто наблюдение. Вот и сейчас, сидя под мостом, я пил пиво и ожидал очередного состава, который прогромыкает стальными колёсами над моей головой.

– Не, – я отмахнулся от «дикого предложения» о вечерней клубной жизни. – Подожду твой реконструкторский паровоз. Интересно ж глянуть чё за аппарат.

– Ну как знаешь, – обиженно и разочарованно протянул друг. Ему явно не хотелось в одиночку дёргаться, пить самогон и драться с городскими мажорами из-за баб. В принципе его можно было понять. И я понимал. Но восемнадцатилетний «мужчина», сидящий внутри меня, говорил, что пора вырастать из танцулек и клубов и начинать заниматься чем-нибудь более серьёзным (поезда не в счёт!).

Теоретически он был прав в своих мыслях, но я пока не торопился соглашаться с ним и всеми его пунктами.

– Ладно, тогда я посайгачил, – Дикий обменял у пакета пустую пивную бутылку на полную. – Пойду переоденусь тогда. Подтягивайся если чё.

– Оке, – отсалютовал я ему, зная что никуда подтягиваться желания у меня нет.

Допив пиво, я обнаружил, что удаляющийся «добрый друг» опустошил весь арсенал моего стратегического запаса. Зло глядя вслед безжалостному расхитителю пивных резервов, я принял нелёгкое в тот момент решение – поднять пригревшуюся пятую точку с земли и отправиться в ближайший алкогольно-ширпотребный магазин, дабы пополнить арсенал бутылочных снарядов. Так-то ожидать повеселее будет.

После успешного штурма Форт-Нокса, в лице вышеупомянутого заведения, я довольный собой, отправился обратно. Наконец дойдя до места своей будущей дислокации, я уселся на траву на пригорке и в постепенно спускающихся сумерках стал ждать уже ставший заветным реконструкторский поезд.

Пока что меня окружало лишь птичье пение и шум листвы небольшого леска, который стоял параллельно железнодорожным путям. Где-то вдалеке неистово брехали друг на друга собаки, да слышались редкие автомобильные гудки и пьяные крики. Никакого звука, напоминающего о приближающемся составе, даже и близко не было. Уж в этом я немного понимал.

«Не судьба видать», – разочарованно решил я, собираясь уже вставать и топтать в сторону дома. В конце концов поезд это не машина, чтоб туда-сюда просто так гонять когда вздумается. Логично.

Но тут до меня донёсся глухой гул, а земля, казалось, слегка завибрировала. Тонкий пронзительный свист и клубы белого дыма над верхушками деревьев убедили меня в том, что состав приближается и я не зря не ушёл со своего любимого наблюдательного пункта. «Паровоз!», догадался я, будучи довольным этим своим логическим и гениальным умозаключением.

Рельсы тянулись и петляли среди леса, поэтому я пока мог только слышать звуки и видеть дым от приближающейся машины.

Гул значительно нарастал, а вибрации вокруг усилились, когда наконец из леса появился сам паровоз. Я быстро выхватил телефон, дабы заснять этот интересный кадр – паровоз, окружённый лесом и клубами дыма в наступающих сумерках. По всем законам физики и химии, да и всех прочих наук, телефон мой сыграл траурную мелодию выключения, вызванную пол-

ной разрядкой батареи. Ничего удивительного я в этом не увидел. Так всегда бывает на самом интересном месте.

Паровоз продолжал свой неспешный путь, обволакивая всё пространство вокруг себя дымом и паром. Равномерно и монотонно работали механизмы. Да уж, тут было на что посмотреть и чем восхищаться. Паровоз как раз сбрасывал скорость и с лёгкостью можно было всё хорошенько рассмотреть.

Он тянул не современные скучные вагоны, а старые, очень даже симпатичные. Начало двадцатого века. Хотя может и девятнадцатого. Плоские без излишеств стенки, пассажирские окна с тоненькими рамами. На одном был намалёван большой красный крест. «Санитарный!» – уже в который раз за день моя логика зашкаливала все человеческие нормы. Буквы и цифры на их боках что-то могли говорить только знающим людям. Но я в эти аббревиатуры особо не вникал. Чукча не писатель, чукча созерцатель!

И вот когда уже паровозная махина уже поравнялась с моим наблюдательным пунктом, то в моей памяти сразу же всплыли кадры со школьных времён, когда мы с пацанами катались на товарных вагонах, составы которых тут постоянно курсировали и всегда сбрасывали скорость на этом участке пути.

Благо у этих старых выгонов с каждой стороны было по небольшой пассажирской площадке, на которой можно вполне комфортно уместиться, а не болтаться на одной ступеньке товарного вагона, держась за поручень из последних детских сил.

Сила интереса и ностальгии нещадно тянула меня воплотить мысли в реальность. Тряхнуть стариной что ли.. Сделано-сказано.. Не, наоборот там было!

Быстро сбежав с пригорка, я уже вскоре очутился около железнодорожного полотна. Даже какой-то запах старины ощущался в воздухе. Мимо плавно и мерно проезжал вагон, который мне до смеха показался милым и домашним – на его окнах были белые узорчатые занавесочки. На его боку красовалась позолоченная эмблема с двуглавым орлом, маняще поблескивая в лучах закатного солнца. Своего вагон добился – я бросился бежать к нему. Судя по гербу, в нём ехали те самые главные и крутые реконструкторы. Вспомнив «молодость», я резво вскочил на нижнюю ступеньку, держась за поручень подтянулся и через мгновение очутился на платформе мягко едущего и плавно покачивающегося вагона.

Немного отдышавшись и чуть успокоившись, я подобрался к двери, ведущей в салон вагона и взглянул в небольшое окошечко, позволяющее видеть то, что происходило внутри.

Там, за большим столом, стоящим по центру и занимающим добрую половину вагона, сидели люди в военной форме. По её внешнему виду я догадался, что это офицерская форма времён Первой мировой войны. Уж явно не Великой Отечественной и не петровской эпохи. Книжки ж всё-таки читать умею и люблю. На столе были разложены карты. Офицеры с умным видом тыкали в них пальцами и что-то говорили. Но из-за закрытой двери я слышать их не мог, хотя не думаю, что смог бы понять. Сидевший во главе стола, видимо их главный, с задумчивостью кивал на их слова и пил чай из стакана с серебряным подстаканником. Остальные же, наливали себе в небольшие рюмочки что-то из графина, стоявшего тут же на столе.

«Блин, реально мощные реконструкторы, – подумалось мне. – Форму намотить дело не хитрое, а вот раздобыть паровоз, да ещё и с вагонами.. Это сильно, очень мощно. Видать не один миллион отстегнули на свои забавы. Ну или как там у них это всё зовётся.» Внезапно паровоз резко дёрнулся вперёд, набирая скорость. Это было крайне не кстати. Не ожидая такого толчка, я случайно налёг всем своим телом на ручку вагонной двери, открывающей её. Та с шумом открылась и о что-то ударилась, а я с криком «Тва-аю же ж мать!» грохнулся через дверной проём прямо к подножью офицерского стола, осыпаясь сверху осколками стекла от ещё недавно целого наблюдательного окна.

Возмущённые крики и стук колёс постепенно набирающего скорость поезда, казалось, вывели меня от первоначального оцепенения и вернули в «действительность». Ну так мне это тогда казалось. Какая ирония..

– Лисин, чтоб тебя, живо сюда! – истерично орал какой-то реконструктор, топая ногой.

Я сумел кое-как привстать, ссылая с себя на офицерский ковёр битое оконное стекло. Тут сзади меня резко возникла худошавая фигура какого-то человека, вставшая по стойке «смирно» и отрапортовавшая, щёлкнув каблуками сапог:

– Господин капитан, поручик Лисин по вашему приказанию прибыл!

Ещё не до конца понимая что происходит, я обернулся на говорившего. Тощий, с рыжими тоненькими усами, в форме, наверное, какого-то младшего офицера. Он переводил взгляд то на капитана, то на растерянного и нечего не понимающего меня, то снова на капитана и не знал что ответить.

– Поручик, – продолжал зло орать всё тот же реконструкторский офицер, – вверенный вам солдат шпионит. Такое недопустимо в нашем нынешнем положении. Мы его расстреляем на ближайшей станции как изменника. Арестовать его!

Лисин этот, перепугавшись что быть беде, не слишком так убедительно ответил:

– Никак нет, господин капитан. Рядовой Панков отпросился у меня в уборную. Видимо потерялся и по ошибке, выйдя из вагона, попал в штаб. Приношу свои извинения. Больше такого не повторится.

«Блин, – изумился я, – реально мощные реконструкторы. Играют прям как живые, не отступая от роли. Дикий был прав, серьёзные чуваки!»

– Товарищ реконструктор, я.., – начал я уже оправдываться.

– Молчать! – рявкнул на меня всё тот же мерзкий дядька, сверкая серыми глазами через стёкла пенсне. – Я этого так просто не оставлю! Вы будете наказаны по всей строгости. А вас, поручик, ждёт выговор за подобные выходы вверенных вам солдат и..

– Оставьте их, – остановил его старший, сидевший во главе стола. – Не устраивайте таких сцен, мы ещё не на фронте. Вот там будете рвать и метать. А вас, – это он уже обращался ко мне и к этому Лисину, – прошу незамедлительно покинуть штабной вагон. Кстати, поручик, вы готовы поручиться за этого солдата? Ну что он не шпион и у него не было злого умысла?

– Готов, – ответил Лисин, стараясь вложить в свой голос как можно больше убедительности.

– Мне достаточно, – ответил главный. – А вам, господа?

Все согласно закивали, соглашаясь со старшим. А тот мерзкий реконструктор продолжал пыхтеть и возмущаться, расстреливая меня разве что глазами.

Старший махнул рукой, мол идите.

Поручик, опять щёлкнув каблуками сапог и поклонившись, вытолкнул меня на ту самую уличную тамбур-площадку вагона, где я изначально примостился.

– Алексей, ты вообще в своём уме? – серьёзно и с укоризной выговаривал мне Лисин. – Ну вот какого беса ты попёрся к офицерам?

– А чего, я ничего, – оправдывался я, со-о-овершенно ничего не понимая. – Я наверное спрыгну, не буду вам мешать.

– Куда-а! – он дёрнул меня за рукав, пытаясь вернуть обратно на платформу. – Да тебя за дезертирство расстреляют, и меня до кучи!

– Какое дезертирство? – искренне не понимал я, но первые звоночки начали появляться. – Я ошибся поездом, извините..

– Алексей, – серьёзно обратился ко мне поручик, – в военное время розгами не отделаться. Нам ещё повезло, что Марков вступился. В противном случае Телегин на ближайшей

станции устроил бы тебе публичное судилище, да и мне какую пакость. Хотя я уверен, что он и так что-нибудь такое выкинет.

Он облокотился на ограждение площадки и о чём-то задумался.

Я вроде покивал ему, соглашаясь и подыгрывая ситуации. Так, либо это реально крутейшие фанаты своих реконструкций и играют до конца при любом раскладе, либо.. Не-не-не, второе «либо» срочно отставить!

Звоночки уже в полный рост переросли в мощный звон в духе «AC/DC», где на колоколе сидел сам Брайан Джонсон, дико ухмыляясь и неистово раскачиваясь. И только безнадежно тупой человек не смог бы понять таких сигналов. Оставалось взять кулаки в яйца и ожидать что будет дальше

Вот неужели этому надо было случиться именно со мной? Со мной, блин! Ну какой из меня особенный или избранный..или какой там критерий у них? Я видал всякие книжки про «попаданцев», но они меня больше веселили от одного только описания. Извращаются же люди, пишут, а другие читают, представляя себя на месте главного героя, думая что-то вроде «да я бы им там всем показал, ух-х у меня!». Ну спасибо, Дикий, уж удружил, так удружил. Ну вот и что мне теперь делать? Зная рифму к этой фразе, я категорически сомневался, что она хоть как-то поможет. Ладно, хер с ним. Тут главное не терять самообладание и грамотно стараться подстраиваться под ситуации.

– Слушай, Пётр, – сказал я, внезапно осознав, что имени-то его я не спросил и скорее всего назвал машинально, какой-то мышечной памятью, будто знаю его уже не первый год, – а куда мы направляемся?

Он посмотрел на меня с удивлением:

– Ты когда падал, сильно головой ударился?

– Да не особо, вроде нормально. А что?

– Ну тогда бы не задавал глупых вопросов.

– Да брось ты! И всё же, куда?

– Эшелон идёт на запад.

Я обречённо опустил голову и зажмурился:

– Тва-аю же ж мать!

Глава 3

– Слушай, дай сигарету закурить, – сказал я Лисину, когда мы оказались на уличной платформе вагона.

– А что, своего табака нет?

– Нет.., не знаю.., может в вагоне остался, – я решил пока соврать, пока не проведу осмотр как бы уже своих личных вещей.

– Держи, – Лисин протянул мне махорку. – Сигареты будем курить когда врага разобьём и захватим его трофеи.

– Угу, – буркнул я, сосредоточенно пытаясь из рассыпного табака и какой-то бумажки сделать что-то вроде нормальной сигареты.

– Дай сюда, хватит издеваться над несчастным табаком, просыплешь больше. Нам и так его не часто выделяют.

Он быстро и ловко сделал самокрутку, что-то подобно сигарете, зажёг от спички и пару раз затянулся, прежде чем передать мне.

Не знаю даже с чем сравнить те адские звуки, которые в виде кашля разлетались в ночной тишине и могли соперничать разве что со стуком вагонных колёс. Все лёгкие и прочие внутренности мои горели неистовым пламенем, даже вдохнуть свежего воздуха было решительно невозможно. Едкий и ядрёный дым заполнил всё моё тело, благо из ушей не шёл. Я

решил больше так сильно не затягиваться, чай не сигареты нашего времени. Хотя, по правде сказать, сейчас я абсолютно не понимал какое моё время, насколько я тут и как в конце-то концов выбираться. Всё же надо было через силу читать попаданческие книжки. Точнее их концовку, чтоб понимать, каким хреном народ умудрялся возвращаться. Он же возвращался, да? И в обязательном порядке надо затрофеить несколько блоков сигарет производства капиталистических стран.

Делая последнюю затяжку, я попытался пофилософствовать о нынешнем положении и жизни, глядя на ночное звёздное небо. Мыслей было настолько много, что не получалось чётко их сформулировать. Что поделаться, раз уж нелёгкая занесла в такую ситуацию, то надо как-то выживать. Но это утром. Сейчас надо обязательно отдохнуть и попытаться выспаться. Авось и мысли дельные придут в свежую голову.

– Слушай, Панков, – серьёзно обратился ко мне Лисин, – ты давай там больше не глупи почём зря. Я не всегда рядом буду. Да и не всегда в моих силах хоть как-то разрешить ситуацию. Звание, увы, не то. Всё, отправляйся к своим. Но сначала зайди в санитарный вагон, пусть тебя осмотрят.

Я улыбнулся и понимающе кивнул, выбрасывая в темноту уже обжигающий палыцы окурок.

– Без проблем. Вот только зайду в уборную, о которой ты так ловко наврал тому мерзкому дядьке.

– Как наврал? – удивился поручик. – Ты же сам у меня отпросился по якобы нужде. А потом я услышал шум и что меня вызывают в штабной вагон. Кстати насчёт «дядьки».. будь осторожнее впредь – Телегин и вправду мерзавец редкостный. Свирепый и мстительный человек. И вот если он уже нас приметил, то уже не отступит. Неважно как, но будет преследовать..

– Ладно, всё нормально, – я хлопнул его по плечу, успокаивая на этот счёт. – Не таких видали.

– Вот интересно – и где же ты таких видал? – недоверчиво взглянул на меня Лисин.

– Да-а не знаю, – постарался я сказать неуверенным тоном, – просто получилась такая фраза. Это здесь, в этом мире, я солдат, крестьянский необразованный сын и должен стараться делать вид, что как-то чего-то не понимаю. А в моё первоначальное время, сволочей и мерзавцев хватало. Аж со школьных лет помню. Обоёго пола, возраста и масти.

– Ладно, хватит, потом об этом поговорим, – ответил поручик, безапелляционно подталкивая меня в вагон для простых людей, не офицеров. – Уборная, санчасть и спать. Всё, топай давай.

«Блин, классный всё же парень. Надо по мере сил и возможностей держаться к нему поближе. Хоть повезло встретить такого человека в своём «дебютном прыжке».

Гальюн (помимо поездов, я ещё большой фанат подводных лодок) был кстати. Хоть и не хотелось по нужде, но надо было умыться, освежив себя холодной водой, и подумать о дальнейшем плане действия, не считая настоящего. Благо туалет был сразу же за тамбуром, ну как в современных (уже из другой моей современности) вагонах и был на удивление свободным. Вот только запах.. думаю это было во все времена. Защёлкнув дверь на хлипкий замочек, я наконец глубоко выдохнул, собираясь с мыслями.

Итак, какие мы имеем в своём мозговом арсенале данные о Первой мировой войне? Единственное и самое главное что я знал о ней – это то, что она была. Что ж, уже не плохо. Но мало, категорически мало. Надо выудить из потаённых уголков черепной коробки ещё побольше фактов.

Так, что-то там вроде впервые применялись ромбовидные танки, окопы, которые массово поливали из огнёмётов .. «Газ!» – хлопнул я себя по лбу. Газовые атаки. Оборона крепости Осовец и солдаты, с окровавленными тряпками на лице. Ещё много всяких книжек, фильмов и песен на эту тему – атака мертвецов. Умные и авторитетные историки говорили, что это была

контратака русской армии. Атакой её называли из-за более благозвучного слова, чтобы было красиво и захватывающе. В историках я ни разу не сомневался, но факт оставался фактом, а газ – газом. Кстати, вот почему солдаты были с тряпками? Да потому, что нормальных противогозов не было, а может у кого их не было как таковых. Вроде и всё остальное, солдатское, было не ахти. Не знаю. Не помню. Но помимо сигарет, я решил, если у меня в вещах его нет, намотить где-нибудь противогоз. Да и боевым товарищам подсказать если что.

Хоть стреляйте (а этого, чувствую, у меня тут будет в избытке, да ещё и разными калибрами, если этот мерзавец Телегин меня раньше не уколошит), но я совершенно не помнил где именно, когда и в какой битве всё это применялось. Даже точнее скажу – не не помнил, а не знал от слова «совсем».

«Ну, товарищ солдат, – обратился я к своему отражению в какой-то начищенной жестянке, заменявшей зеркало, – как поступать будем? Как нам прыгнуть обратно домой? Молчишь? Вот и я молчу, не знаю».

Я решил оставить в данный момент эти вопросы, ибо мой оппонент в отражении смотрел на меня охреневшими и непонимающими глазами.

Чуть освежившись холодной водой и утерев лицо рукавом гимнастёр.. Что-о? Ну тв-аю же ж мать, я даже от всего этого произошедшего и не заметил, что нахожусь в форме рядового солдата императорской армии. Да уж, тот ещё красавец смотрит на меня с начищенной жестянки. Конечно не сверкаю орденами и медалями генеральского мундира, но всё же. Спасибо хоть по размеру всё.

Глубоко вздохнув и покачав головой, я поплёлся в санитарный вагон, сокрушённо повторяя про себя одну и ту же фразу.

Глава 4

Отправляясь в санчасть, я уже мысленно рисовал у себя в голове всякие прекрасные картины. Насмотревшись в своё время всевозможных заморских фильмов, я почему-то решил, что в подобных ситуациях только так и бывает. Во всяком случае как вариант. Ну типа главный герой, получивший чудовищную рану в виде порезанного пальца например, экстренно ложится в самый лучший госпиталь, где в качестве медсестёр трудятся финалистки местного конкурса красоты. Со строго задекларированными модельными параметрами и не старше двадцати лет. И вот главного героя реанимационная машина (каре́та, каре́та.., знаю я) привозит нашего «больного» в бессознательном состоянии в это райское медицинское учреждение. Увидев несчастного, добрая модель старательно выхаживает несчастную жертву, наплевав на всех остальных её подопечных. И вот – о чудо! Пациент выходит из комы, он видит свою спасительницу и влюбляется. Они страстно стреляют друг в друга нежно-любовно-сопливыми взглядами и.. всё. Амур, роман.. и прочие пошлости прямо в палате. Много, ой много у меня вопросов у меня к таким режиссёрам, которые снимают такой бред, навешивающий юному поколению ложные понятия.

Но пытка не попытка. Манерно-показательно я пригладил волосы, смахнул с плеча несуществующую пылинку и полный энтузиазма, шагнул в вагон, готовый принять на себя все взгляды медсестёр-моделей, рьяно желающих заняться моим лечением.

Перейдя порог эскулапотория, в меня сразу же ударил резкий запах чего-то хлоркоподобного, лекарственного и спиртового. Кстати взбодрило! Вагон был о-очень светлый и чистый, я даже не ожидал такого. С одной стороны был узкий общий проходик, а с другой, чуть пошире, перекрытая белыми ширмами уже непосредственное рабочее место медицинского персонала. В общем что-то вроде вагона купе, только ширмы вместо стенок. Там была полевая операционная, перевязочная, склад с медикаментами и что-то там ещё прочее врачебное.

При осмотре женской части персонала, мечты о юных моделях в откровенных халатиках рассыпались в мельчайший прах. Нет, они были вполне милыми и симпатичными на вид, опрятно одеты.., целомудренными что ли. Не знаю даже как и назвать. В общем не стоит всегда вестись на фильмы.

Фронтальной роман оставим тогда на потом, и точно не тут..., даже нигде. Не надо. Категорически не хотелось разбивать в последующем доброе, нежное и прекрасное женское сердце. Если повезёт, то прыгнешь обратно к себе.. а она? Что она? Останется вдовой исчезнувшего путешественника во времени? Нет, такому обращению меня не учили.

Медсёстры степенно работали – что-то чистили из оборудования, подметали и мыли полы, раскладывали и перекладывали всякие банки-склянки. Шла обычная будничная и мирная жизнь передвижного лечебного учреждения. Прямо как надо. Вот только жизнь та, совсем не мирная, а с витающей в воздухе тревожностью от неизвестного будущего.

– Милок, тебе чавой? Дохтура? – раздалось где-то рядом со мной, но не в поле видимости.

– Да, мне бы доктора, – ответил я, только сейчас заметил невысокую старушку в белом одеянии.

– Сейчас позову. Обожди пока вот тут, на табуреточке, – улыбнувшись, и, одарив меня добрым взглядом серых глаз, она скрылась за ширмами.

Меня уже начало клонить в сон от постоянных запахов спирта и лекарств, когда минут через пятнадцать ко мне вышел доктор.

Высокий, крепкий, хорошего такого телосложения, черноволосый, но с лёгкой сединой. В маленьких круглых очёчках, с бородкой и усами как у Чехова. Да-да, того самого, Антона Палыча. Я даже где-то читал, что он тоже был здоровым, а не таким, каким его нам рисуют в учебниках литературы – маленьким и неприметным дядечкой.

– Ну-с, голубчик, на что жалуетесь? – немного участливо, как мне показалось для обычного солдата, спросил он. Прямо как врач в детской поликлинике.

– Да головой шарахнулся, побаливает чутко, – показывая ему жестами на свой купол. – Стёклами осыпало. Может есть порезы. Я не знаю. Крови вроде нет. Поручик Лисин велел в санчасть обратиться.

– Что вы головой? – он даже поднял с переносицы свои элегантные очёчки.

– Упал, ударился, поправился я.

– Угу, угу, всё понятно, – он поглаживал свою бородку. – Ну что ж, проходите в смотровую. Присаживайтесь вот сюда, поближе к лампе.

Я смиренно сидел, покуда этот почтенный врачеватель осматривал мою голову, копошась в моих волосах, ища порезы. Со стороны могло показаться, что он тщательно выискивает у меня вшей.. Вши! Тут в моей ощупываемой голове всплыл новый факт. Солдаты, антисанитария, и.. вши. Без понятия как с ними боролись в это время, но надо обязательно спросить у доктора. Радовало то, что если бы он их нашёл, то сказал бы. Ну или хоть поморщился, давая понять, что что-то видит. В любом случае дал бы знак.

«От Севильи до Гренады... в тихом сумраке ночей», – тихо напевал он, проводя свои манипуляции.

Я аж почему-то вздрогнул от неожиданности услышанного, а врач прервался, изумлённо уставившись на меня:

– В чём дело? Вот тут больно?

– Нет-нет, всё нормально, – махнул я рукой. – Песенка ваша просто знакомая.

– А, это, – улыбнулся он. – Я всегда что-нибудь напеваю, когда рана и осмотр позволяет.

– Классика, – восхитился я. – Её же всегда напевал Фил., – я вдруг резко осёкся, когда доктор на меня пристально посмотрел.

Он вдруг прекратил свой осмотр, выпрямился, вытирая руки о свой передник. Чувствовалось, что он даже чуть напрягся и ответил мне обычным и официальным тоном врача:

– Всё в порядке. Зайдёте ко мне завтра, надо заполнить карточку. А сейчас можете идти, у меня ещё есть работа.

Изумлённый и не понимающий в чём причина такого его резкого перепада, я встал, поблагодарил, обещав завтра прибыть и отправился в вагон, в котором обитали солдаты и в котором я тоже должен был обитать вместе с ними на неизвестный мне срок. Всё, отдыхать. Главное не забывать о вшах!

Глава 5

В вагоне, месте моей дислокации на неопределённое время, стояла удушливая смесь воздуха, состоящая из запаха пота, нестираной одежды и табака. Вши не пройдут! Теперь я готов к газовой атаке. Ладно, шутка. Неуместная.

Дым был такой, что можно было вешать годовой выпуск продукции топорного завода. Народу была масса. Пробирался я в этом туманном мареве скорее интуитивно. Было категорически непонятно, где место моего обитания. Хотя даже если бы и знал, то в таком кумаре хрен бы нашёл.

– Алексей! Эй! Эй! – закричал кто-то из непроглядной пелены. – Куда ты пошёл-то?

Глаза резало невероятно, когда я пытался разобраться кто ко мне обращается. Даже пытаться было бесполезно. Благо из дымки потянулись бестелесные руки и плюхнули меня на какую-то уж больно жёсткую лавку, зажав с обеих сторон другими обитателями лавки. Ну хоть теперь я на своём месте. Спасибо таинственным рукам.

– Алексей, где ты был? Почему так долго? – вопрошал неизвестный голос из тумана. – Вроде в туалет отпросился, а такое ощущение, что домой до него бегал.

– Да-а, – отмахнулся я, – ходил знакомиться с командным составом, после которого загремел в санчасть.

– Вот ты дал! – кто-то захохотал. – Ребят, Лисин рассказал, что наш Алексей вывел из себя самого Телегина и тот обещал сразу же расстрелять его на первой же остановке, представляете?

Раздался дружный хохот, сопровождающийся с кашлем вперемешку. Да уж, дышать тут надо было аккуратнее.

– Давай-давай, говори, – продолжал вопрошать голос с более менее начинавшим обретаться мутным силуэтом, – что ты там такого сделал?

– Да ничего такого, – пожал я плечами, – просто хотел дать несколько советов как правильно войну воевать.

Тут хохот раздался ещё сильнее, послышались возгласы одобрения и полетели всякие шуточки. Из табачного тумана возникали руки, хлопающие меня по плечам и спине.

– Устал я что-то, мне б поспать. Ребят, где моя лавка?

Вот тут я не понял – я был местный шутник и юморист? Ибо очередная волна смеха прокатилась вокруг меня.

– Ну ты даёшь! – раздался весёлый голос солдата, вплотную сидевшего справа от меня. – Видать сильно головой стукнулся. Вот как сидишь, так глаза закрывай и спи. Лавку он хотел, слышали? – иронично объявил он, сопровождая всё едким смешком.

– Подушку! Подушку и перину рядовому Панкову, укротителю Телегина!

– Всё, всё, хватит уже, – серьёзно сказал я, уже чуть дальше приврав: – Да лекарь этот наш лекарства дал какого-то, голова не соображает вообще и в сон клонит.

Во-первых, отдых мне был действительно необходим. Уж слишком резко на меня вот это вот всё свалилось. Во-вторых, мне пока не хотелось со всеми знакомиться на ещё мутную и дурную голову. Я решил подремать с закрытыми глазами, слушая товарищей, чтобы понять суть происходящих вокруг вещей, а также кто и что, есть кто и что. И в-третьих, очень хотелось

сегодняшнюю дату. Очень сомневаюсь, что привязка к дате хоть как-то поможет, но чисто для понятия было интересно.

В основном все солдатские диалоги были из разряда «ни о чём». Говорили о себе, (я искренне пытался запомнить эти данные, но не видел кто это говорит и к кому они применимы), кто откуда и что будет делать когда вернётся с фронта домой. Я их искренне понимал – никто не хочет остаться бездыханным телом где-то там, вдали от дома, в чужих странах. Точно не помнил сколько, но знал – цифры убитыми были катастрофическими. Говорили что Телегин сволочь редкостная – ну сей факт я уже узнал лично.

– На западном фронте сейчас самая настоящая мясорубка, – говорил солдат, сидевший напротив меня. Из общего разговора я понял, что его зовут Иван Коротков. – Вереницы эшелонов, набитые под завязку солдатами, массово направляются в ту сторону. А обратно в основном едут почти пустые – за новой партией людей. Забирают со собой только тяжелораненое офицерье, да мертвяков ихних, дабы закопать на родной земле. Видимо там не сладко приходится. Вот и мы туда, – грустно и безутешно подытожил он.

– Может мы будем в тылу основного фронта? То бишь в резерве? Глядишь и перемирие какое наступит, а, ребята? – кто-то наивно и воодушевленно предположил.

– Дурак ты, Коля! – укоризненно ответил ему Иван. – Такие войны просто так не кончаются. Вона сколько стран стреляет. Пока с каждым договоришься, не один год пройдет. Будут воевать, покуда у них и у нас если ещё люди и эшелоны.

Тягостное молчание тихо повисло среди нас. Все явно были согласны с этими доводами. В дыму неосвещённого вагона было не рассмотреть солдатских лиц, тех эмоций, которые были на них написаны, этого волнения и переживания за то, что ждёт каждого там, впереди, на фронте. Ни для кого не было секретом, что вернётся не каждый, и это тяготило ещё больше. Эта неизвестность.

– Кстати, – оживил обстановку сидящий справа от меня солдат, – Лисин сказал, что завтра к обеду будет остановка на какой-то станции. Может выпустят подышать, ноги размять..

– Это хорошо. Лишь бы не дали наряд в «волчье кольцо», скотское занятие. Ненавижу. Все одобрительно загудели и соглашались.

«Волчье кольцо», это что ещё такое? Никогда я о подобном не слышал и не читал. Но дослушать мне не довелось – сон забрал меня в свои владенья..

Глава 6

С детства у меня такая штука, что в новых местах я всегда просыпаюсь раньше. Не знаю с чем это связано, но факт. Может у доктора спросить? Хотя не буду отвлекать его по пустякам. У него и так целый эшелон подопечных, а тут какой-то непонятный солдат жалуется на раннее пробуждение

Ну раз проснулся, то можно теперь спокойно (правда в храпящей обстановке) приступить к осмотру снаряжения, которое на неопределённое время должно было мне помогать в той или иной ситуации.

Порывшись в куче вещмешков, сваленных в углу, я выудил один, на котором белой краской было выведено «Алексей Панков». Так, нам сюда значит.

Что же мы в итоге имеем – сапоги, фляга, ножик, сменное бельё, мыло, бритва. Очень даже полезные принадлежности. Табак и немного каких-то денег того времени. Всё это было крайне кстати. Оу, а это что у нас? Каска! Красивая, с выбитым гербом в виде двуглавого орла, прямо загляденье. Хотя если в тебя летит граната или снаряд, она вряд ли спасёт. Но от осколков, земли и случайных рикошетов от пуль, в самый раз. Вещь во всех смыслах не лишняя и полезная. Тряпки какие-то. Портянки наверное. Блин, как назло не имею никакого понятия как их заматывать. Тут в носках, поди, только сам царь ходит. Ладно, разберёмся методом проб

и ошибок. Идём дальше – спички, пилотка.. и о чудо! Противогаз! Ему, каске и табаку я был рад как никогда. А с этим, если всё хорошо пойдёт, я не пропаду. Шинель и винтовка вон в той общей куче наверное. Потом разберусь. Если не подписано, то методом исключения найду своё, по оставшемуся принципу. А вот что-то непонятное и на вид несъедобное. Конечно же это сухпай, догадался я.

Огорчало то, что ни в мешке, ни в карманах гимнастёрки не оказалось никаких фотографий «на память от любимой» или «письмеца в конверте». Так хоть можно было бы как-то отследить, понять моего персонажа. Но, увы, зацепиться не за что. Придётся довольствоваться малым. Ладно, буду дальше строить из себя ушибленного головой дурачка и делать новую биографию. Дураком быть проще. Спрос маленький, зато, притворившись не шибко умным, можно хорошенько изучить окружающих.

Кстати, а где тот я? Если я он, то он я? Или как там эта схема работает? Обидно даже, что не спросишь у кого. Ладно, хрен с ним, о себе сейчас думать надо, как из этой задницы выбираться или не залезть ещё глубже. Хотя эшелон как раз туда меня и направлял. Но отдалённый голос в моей голове говорил – «тебе трындец, пишете письма». Было страшновато и как-то не по себе. Но думалось, что этот голос в реальности не так далёк от истины. Ощущение «трындца» бродило где-то рядом.

Осмотр личных вещей меня более менее удовлетворил, могло быть и хуже.

Зловонные запахи продолжали преобладать в вагоне. Может выйти на уличный тамбур? Подышать, покурить. По утрам я дико злой, если не покурю. Но если выходить, то наверное надо отпроситься у старшего вагону. А где он? Кто он? Можно ж получить по шапке – за самовольное оставление места своей дислокации без приказа или распоряжения. Рискну. Один расстрел я себе гарантировал, так что одним больше, одним меньше – пофиг.

Кое-как скрутив сигарету-самокрутку, я отправился в сторону тамбура, на выход. О! Меня ж доктор вызывал, ну чем не повод? Обрадованный этим, я смело отправился на площадку.

Но она была уже занята – какой-то мужик там уже стоял и смолил. Суровый такой, коренастый, седой и пышноусый.

Сладкий и прохладный утренний воздух был словно подарок богов, после ночи в общем солдатском вагоне.

Я прикурил, приветственно кивнув дядьке. Он моё дружелюбие явно не оценил и гневно пробасил:

– Кто такой? Почему не в вагоне?

Блин, вот как назло я никогда не различал звания по звёздочкам, нашивкам, ну и всему прочему, что изображено на погонах или одежде. Знал на «отлично» только маршала Советского Союза – по огромной звезде на каждой погоне. Дядька же этот, ни формой, ни рожей, на маршала совершенно не подходил. Куда ему до Рокоссовского, Жуков, ну не знаю, Будённого например. Кстати, последний вроде служил в кавалерии, авось пересекёмся и всем потом буду рассказывать, что жал руку самому Семёну Михалычу (прыгнуть бы обратно только). Хотя никому не скажу, не поверят же. Сам на первых порах не верил. Но смирился, и пришлось.

Не отдавая честь (не знаю как там в Первую мировую принято было), я выпрямился, отрапортовал:

– Алексей Панков. Доктор приказал сутра зайти.

– Доктор тут не приказывает, – зло ответил дядька. – Кто разрешил покидать расположение вагона?

Вот тут что-то я потерялся, начав мямлить вроде:

– Товарищ военный.. там.. доктор.. сказал..

Сигарета вылетела у меня изо рта, голова загудела и потемнело в глазах. Этот гадский дядька не хило так зарядил мне по уху своей тяжёлой ручищей. Победить его я не победил бы

наверное. Ну в силу отсутствия опыта и моей тошести. Вломить в ответ я не посмел. В военное время за такое можно было подпасть и под трибунал. И на мне висел бы уже третий расстрел. Хотя так хотелось втащить ему по усам, да по зубам.

На словах смешно, а на деле вообще ни разу.

– Запомни раз и навсегда, чернь земляная, я Жданов, – чеканил он, сквозь невидимые под усами зубы. – Фёдор Максимович Жданов, старший прапорщик третьей роты.

Но потом он снизошёл до меня, гад этакий. По обычному уже сказал:

– Ладно, можешь идти к своему доктору. Но капитану я доложу о твоём поведении и самовольном оставлении расположения.

Так хотелось ответить ему что-нибудь язвительное, но здравый смысла победил, я промолчал. Сейчас я не в той ситуации.

– Прошу извинить, – стараясь как можно более виновато и сконфуженно произнести я, – такого больше не повторится.

Дядька, казалось, был явно всё равно не удовлетворён этим. Постояв немного, он побурчал что-то, шевеля усами, и через санитарный вагон направился видимо на доклад к офицерам.

«Здрасьте, – резюмировал неутешительно я сам себе, – мы обрели здесь ещё одного «доброего друга»!

Закрыв глаза, я приложил горящее ухо к прохладной и влажной стенке вагона. Вроде даже легче стало, но звон, то тут, то там, носился по всей моей черепушке. Доктору надо сказать. Может этот Жданов усугубил и без того моё слабое, нежное и хрупкое здоровье. Шутка.

Перейдя в соседний вагон, санитарный, я снова оказался в царстве ароматов из хлорки, спирта и лекарств.

Кстати, опять взбодрило.

Глава 7

– Милок, тебе чавой, дохтура? – раздалось откуда-то снизу.

Но я уже знал кто это говорит и куда смотреть

– Да, бабушка, пожалуйста, – ответил я, глядя в её доброе морщинистое лицо.

– Сейчас гляну, свободен ли он. Обожди пока тут, на табуреточке.

Подведя и усадив меня на ту самую табуреточку дожидаться, она ушуршала за ширмы, справиться о докторе.

Медсестёр я пока не видел. Видимо рано ещё, а доктор был наверное ночным дежурным. Ну возможно бабушка помогала.

– Проходи, милок, – сказала она возвратясь, – доктор примет.

Я поблагодарил её и пошёл через ширмы и перегородки, в «кабинет» доктора.

Он сидел за столом и что-то тщательно записывал в журнал. Я решил встать в сторонке, дабы не мешать важному делу учёного человека.

– А, это вы, молодой человек, – он оторвался от записей и взглянул на меня поверх своих очков. – Присаживайтесь. Одну минуту, я сейчас закончу.

Дописав, он быстренько пробежал глазами по написанному и, удовлетворённо кивнув самому себе, обратился ко мне:

– Как вы себя чувствуете? Голова не болит? Не кружится? Может ещё какие недомогания?

– Да нет вроде, – рассеяно ответил я. – Жалоб не имею.

– Хорошо, очень хорошо. А что это у вас с ухом? Не воспаление ли? Ну-ка, дайте посмотрю.

– Не стоит, – отмахнулся я. – Это довелось мне познакомиться с прапорщиком Ждановым.

– А, этот, – понятиливо кивнул доктор. – Проходил тут недавно, пыхтел как наш паровоз. Да, грубоватый и безманерный. Но он старый солдат, ему не до раскланиваний. Прямой и чёткий. Наверное так и должно быть. Хотя не мне судить военную братию.

Я неопределённо пожал плечами, мол «возможно, возможно..». Мне так хотелось поинтересоваться у доктора, с чем связано его вчерашнее резкое изменение настроения. Но тактично решил промолчать. В конце концов это его личное дело. И вообще, я помешал ему допеть песню.

– Ладно, оставим это, – он взял какой-то бланк из стопки бумаг. – Мне нужно завести на вас карточку, вы же пациент. Давайте по порядку, фамилия, имя, отчество, год и место рождения и где служите.

Вот этого я больше всего боялся, точнее волновался наверное. Ибо ничего о своём персонаже я не знал. Из всего возможного, я знал только имя и фамилию. Что дальше там у моего персонажа – тайна тайная.

– Чего вы задумались? – доктор поднял лицо от бланка, который хотел начать заполнять. – Может что-то с головой всё же? Временные потери памяти, рассеянность..., нет?

Тут я молчал, не зная что придумать. Хотя в жизни я и делал, что всегда и везде в любой ситуации импровизировал, если чего-то не знал. Но то ситуация, а то личные данные, которые ты не можешь не знать о себе. Ну не человек из неоткуда же! Хотя по большому счёту я таковым сейчас и являлся.

– Хорошо, – доктор отложил карандаш и пришёл ко мне на помощь: – Если тяжело вспомнить, то посмотрите в своём солдатском медальоне, там должно быть всё указано.

Я зажмурился, сокрушённо покачивая опущенной головой.

Блин, ну конечно же! Как можно было не додуматься! Во всяких фильмах же сто раз видел такое – у всех солдат есть жетоны с личными данными, которые потом, в случае чего.. Нет, об это «случае чего» думать категорически не хотелось. Были б мозги на месте, ещё вчера посмотрел бы!

Я полез рукой под гимнастёрку и, действительно, там был медальон. Правда с крышечкой, не как в этом американский фильмах.

Раскрыв его, я прочитал:

– Алексей Константинович Панков, 4 декабря 1896г года рождения, село Матвеевское, 4-я дивизия, 14-й пехотный полк, рядовой солдат.

– Хо-ро-шо, – отвечал доктор, тщательно и внимательно записывая мои данные в бланк. – Ну вот, теперь будете знать кто вы такой, – он улыбнулся, закончив записывать.

– Да, действительно, – виновато улыбнулся я ему в ответ. – Не привык я ещё к такому.

– А к такому здесь ещё никто не привык, – он откинулся на спинку стула. – Целый эшелон вот таких нагнали. Увы, не первый и далеко не последний, – он печально вздохнул и покачал головой.

Я молчал, не зная что ответить. Он тоже молчал, не поднимая голову. Видимо тяжелые мысли о будущем и настоящем захватили каждого из нас. Люди из деревни, дети крестьянские. Образованные среди них можно было сосчитать по пальцам одной руки. И вот на тебе уже форма, ты загнан в эшелон, обнимая винтовку и едешь не зная куда и не зная зачем.

– Выпьем? – вдруг неожиданно спросил меня доктор.

Я замялся, сбитый с толку таким неожиданным вопросом. Кто я такой? Уж явно не ровня ему – образованному и важному человеку.

– Не думаю что мне положено, – попытался я как-то уклончиво ответить. – Я не думаю, что вам по чину выпивать с солдатом.

– Оставьте, – махнул он рукой. – Я не офицер. Я гражданский врач, которого при сложившейся ситуации прикомандировали к этому эшелону. Человек с улицы, если так можно выразиться. Ну что, будете?

Действительно, выпить чего-нибудь крепкого мне явно не помешало бы. Какк говорят врачи – «для успокоения нервов».

Чуть ободрившись, я согласно кивнул. Доктор встал и подошёл к висящему позади него шкафчику, доставая медицинскую склянку с янтарной жидкостью (коньяк наверное), которую неторопливо разлил в две небольшие мерные мензурки, стоявшие на столе. Одну из них он взял себе, вторую пододвинул в мою сторону.

– Меня зовут Олег Иванович Воронцов, – он поднял свою мензурку в тосте. – За знакомство, Алексей Константинович!

Мы выпили. Закуски никакой не было, поэтому я поморщился и занюхал рукавом своей не особо свежей гимнастёрки. Обжигающее тепло прошло по всему телу и я немного расслабился, позабыв о том, что нас окружает и ждёт впереди. Классный, видать, мужик, этот доктор.

Воронцов, тем временем, вновь наполнил мензурки и спросил:

– Ну, за что выпьем?

– За дом, – машинально, на как-то грустно и со вздохом предложил я.

– Отличный тост! Коротко и в цель. Эх, вот всего одно слово – «дом», а как желанно и притягательно оно звучит при этих обстоятельствах.

Осушив свой стакан, доктор о чём-то крепко задумался, вертя стакан в руке и глядя на него. Я молчал, не смея прерывать ход его мыслей, стараясь максимально не мешать.

– Вы верите, что когда-нибудь всё это закончится и все люди вернуться домой? – вдруг неожиданно спросил он.

Я был не готов к такому подобному философскому вопросу и изрядно опешил от неожиданности. Не помню месяц, но точно знал, что всё закончится в 1918 году. Кстати, я до сих пор не смог выяснить какой сейчас год. То, что на дворе лето, это ладно, плюс минус понятно. А вот год.. год..

Воронцов горько улыбнулся, глядя на меня:

– Да не задумывайтесь так сильно, никто не знает ответа. Это скорее открытый вопрос. Мысль вслух, обращённая ни к кому, в пустоту. Впрочем, вам пора уже идти. Скоро вас хватятся. Все эти ваши подъёмы и переключки..

Говоря это, он наполнил только мою мензурку.

– Мне хватит, – улыбнулся он. – Мне ещё приём вести. Если будет свободное время – заходите, пообщаемся. Думаю нам есть о чём поговорить. Только если вас ваш старший офицер отпустит. Лишние проблемы нам не нужны, верно?

Я кивнул, опешив от такого предложения. А почему я? Там вон, сотни солдат с нами едет. Или он задушевные беседы беседует с каждым? Да и хрен с ним, лишь бы не в вонючем вагоне ехать. А поговорить за рюмочкой с хорошим человеком, то милое дело!

Поблагодарив доктора, я покинул его «кабинет», попутно попрощавшись с бабушкой, которая уже усаживала какого-то солдата, будущего пациента, на «вона ту табуреточку».

Уже собираясь окончательно покинуть вагон, я увидел спасительную для себя бумажку, приколотенную к стенке вагона – календарь! Радость была не запредельная, но всё же какая-никакая информация. Сомневаюсь, правда, что это что-то даст мне существенное. Листик календаря вещал мне, что сегодня 17 мая 1916 года. Как всегда, традиционно, эта подробность мне мало что давала. Я ведь не ведывал, что происходило в этот период. Было только понятно, что сейчас середина войны. А что было и что будет – тайна неизвестная. Что ж, если выживу, то относительно не долго осталось. А там дальше, буду уже действовать по обстоятельствам. Если не прыгну к себе, то попробую прибиться куда-то, к кому-то. Ну или вернусь на родину, в «своё» село Матвеевское. Заделаюсь там колхозником-передовиком, а по вечерам

буду пить самогон и у курить на лавочке возле избы. Девку найду, обженюсь..., если меня там, правда, никто не ждёт. Ладно, поглядим короче, действуем по ситуации.

Согретый ответной улыбкой маленькой бабушки и коньяком, я в приподнятом настроении вышел на уличную платформу вагона. Благо никаких лютых прапорщиков и других офицеров на ней не оказалось.

Я закурил, кое-как скрутив сигарету. После выпитого обязательно нужно. Во всяком случае мне. Думать ни о чём не хотелось совершенно. Всё незнакомое, нихрена не понятное. Сейчас бы проснуться, да у себя, в своём времени. А по этому сну написать книжку. Максимально приукрасить, что на фронте я был как Рэмбо во Вьетнаме. Стрелял из винтовок с двух рук, нещадно жёг противника из огнёмётов и люто рассекал на танке по полю боя. Успех и гонорары считай уже в кармане. Красота!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.